

ПРЕДПОСЫЛКИ РЕЦЕПЦИИ А.И. ГЕРЦЕНА В КИТАЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА*

Цзи Паньсинь

Ключевые слова: рецепция, Герцен в Китае, герценоведение, русско-китайские литературные связи.

Keywords: reception, Herzen in China, herzenology, Russian-Chinese literary relations.

DOI 10.14258/filichel(2023)1-11

Введение

В Китае А.И. Герцен известен как писатель и мыслитель, его произведения популярны не только среди китайских ученых, но и среди обычных читателей. Творческое и идейное наследие Герцена оказало влияние на китайскую культуру и литературу XX в. В современном китайском литературоведении герценоведение приобретает все более значительную актуальность. Цель данной статьи — определить предпосылки рецепции творчества и идеологии А.И. Герцена в Китае, что будет способствовать пониманию русско-китайского культурного диалога и перспектив герценоведения в Китае. Новизна исследования заключается в том, что представляется попытка исследовать явление популярности Герцена в Китае в начале XX в. в контексте развития китайской революции и современной китайской литературы, с учетом традиционной китайской философской мысли и гуманитарной традиции в русской литературе, а также российско-китайских отношений в начале XX в.

Отношения между Россией и Китаем до начала XX в.

Имя А.И. Герцена впервые прозвучало в Китае в 1902 г. в романе «Героиня Восточной Европы», автор которого выступил под псевдонимом Линьнаньюи ньюши (настоящее имя: Ло Пу). Герцен после общеевропейского резонанса, вызванного публикацией в самый разгар Крымской войны его брошюры «Le peuple russe et le socialisme. Lettre à Monsieur J. Michelet, professeur au Collège de France, par A. Herzen. 1855», приобрел в мировом общественном мнении репутацию «отца русского социализма». В произведении Ло Пу Герцен впервые предстал перед

* Данная статья была поддержана Китайским советом по стипендиям (China Scholarship Council) в рамках программы «Стипендия Правительства КНР и РФ», № 202107040006.

китайскими читателями как своего рода вдохновитель народнического движения (вкл. «народовольцев» и других леворадикальных групп). Проявившийся в этом литературном факте интерес китайской интеллигенции к фигуре Герцена и к России в целом был неслучайным. Рубеж двух столетий был временем быстрого обновления политических, экономических и культурных отношений между Россией и Китаем. По статистике, таможенный доход казны от кяхтинской чайной торговли к 1850 г. составлял от 15–20 % всего таможенного дохода России [Кабанов, 1959, с. 55]. Но и без того сверхприбыльная русско-китайская чае-торговля к 1890-м выросла в 6,4 раза в объемах и в 3,4 раза в ценах. Первая всеобщая перепись населения Российской империи (1897 г.) отметила массовый приток в Россию китайских рабочих на строительство Транссибирской (сначала Уссурийской и Забайкальской) железной дороги, городов Хабаровска, Владивостока, на золотые прииски Якутии, Прибайкалья и Дальнего Востока, а также в сельское хозяйство и торговлю этих регионов [Первая всеобщая перепись, 1897]. В 1901 г. по числу прибывших в страну иностранных подданных переселенцы из Цинской империи уступали только выходцам из Персии (Ирана) и славянам из Австро-Венгрии [Дацышен, 2001].

Таким образом, с одной стороны, русский и китайский народы впервые смогли, живя бок о бок, непосредственно и с большим интересом узнать культуру друг друга, с другой — и русские, и китайцы в России видели большие социальные проблемы обеих империй, сравнивали их и, находя много схожего в тяжелом положении друг друга, искали общие решения своих проблем.

Ситуация рубежа XIX–XX вв. в истории более чем 300-летних китайско-русских отношений была беспрецедентной, хотя начиналась она еще в середине XVII в. и за столетия создала благодатную почву для взаимопонимания и взаимообогащения культур, — с 1654 г., когда русский царь Алексей Михайлович отправил первое официальное посольство Ф.И. Байкова в Пекин с государственными грамотами [Демидова и Мясников, 1969, с. 151–152]. После подписания Нерчинского и Кяхтинского договоров, установивших границу между Российской империей и Империей Цин, был налажен официальный торговый обмен. Китай стал крупнейшим внешним рынком для России в Азии [Самойлов, 2021, с. 67], ценность которого каждый раз повышалась в моменты больших общеевропейских кризисов.

В 1708 г. цинским правительством в Китае была открыта Школа русского языка для подготовки переводческих кадров, владеющих русским языком. Она стала первой школой русского языка — «Элуосыгуань»

[Ван Линлун, 2018, с. 576], а также первой школой, готовящей преподавателей иностранного языка в Китае. По условиям Кяхтинского договора России было разрешено посылать миссионеров в Китай [Тихвинский, 2006], и Русская православная церковь стала первой и единственной христианской церковью в Китае, которой было разрешено проповедовать с согласия цинского правительства [张建华, 2007, с. 71]. Круг взаимных интересов России и Китая в тот период расширился и стал включать не только экономические и политические вопросы (так, в войнах с Джунгарским ханством обе империи выступали фактически союзниками), но и сферу культурных обменов (показательные примеры этой тенденции с российской стороны — Китайский кабинет во дворце Монплеизир в Петергофе, созданный в 1714–1723 гг. по эскизу царя Петра I, и образы Китая в творчестве Пушкина (см.: [Алексеев, 1979])).

Со второй половины XIX в. пробуждается ответный интерес Китая к России, начинаются переводы русской литературы на китайский язык. В 1872 г. в первом номере журнала «Кругозор Запада и Китая» была опубликована «Басня русских» в переводе американского миссионера Вильяма Мартина [陈建华, 1998, с. 9–10]. Содержание басни в основном совпадает с содержанием басни Льва Толстого «Два товарища». Так было положено начало переводам русской литературы на китайский. Согласно статистике, с 1900 по ноябрь 1917 г. в Китае перевели около 105 русских художественных произведений [平保兴, 2004, с. 13]. Русская литература постепенно приходила к китайским читателям и оказывала влияние на национальную литературу.

Понимание и восприятие чужой культуры и литературы основаны на особенностях и потребностях развития собственной культуры. На протяжении тысячелетий китайцы придерживались прагматичного взгляда на искусство. В «Комментарии к Ши Цзину» говорится, что поэзия «используется для воспевания великих заслуг и добродетелей государя и для сообщения о них богам» и «народ использует поэзию для увещевания государей» [李学勤, 1999, с. 13, 18]. Конфуций писал, что «с помощью поэзии можно выразить себя, выявить социальные проблемы, найти единомышленников и увещать государя» [Конфуций, 1998, с. 268]. Одной из фундаментальных характеристик китайской литературы является то, что она поддерживает тесную связь с исторической реальностью и политикой своей страны. Поэтому с момента возникновения китайская литература ориентировалась преимущественно не на развлечение публики, а на выполнение общественно значимых функций: просветительной (каноны, энциклопедии, исторические, политические и философские трактаты и т.п.), воспитательной (дидактические

и воспитывающие изящный вкус сочинения) или обличительной: следуя принципу «秉执公心，指摘时弊» / «отстаивать справедливость и обвинять недостатки времени», аналогичного известным в Европе тезису *castigare ridendo mores* /, «смехом исправлять, бичевать нравственные пороки», сатирические жанры изображали недостатки и осуждаемые обществом модели поведения.

Но политика «закрытых дверей» династии Цин изолировала Китай от мира и привела страну к отсталости (по сравнению с другими крупными государствами мира). Тяжелые поражения в Опиумных и китайско-японской войнах, многомиллионные жертвы подавлений Тайпинского и Ихэтуаньского народных восстаний, иностранные интервенции и колонизация европейскими державами исконных китайских земель нарушили тысячелетний уклад жизни Китая. Передовая китайская интеллигенция в поисках выхода обратилась к успешному опыту социальных реформ в Японии. Попытка цинского императора в 1898 г. провести в стране реформы сверху (т.н. «реформы ста дней», или «реформы года У-суй» по аналогии с японской «революцией Мэйдзи») провалились из-за мощного сопротивления консерваторов и последовавшего затем дворцового переворота.

После политического краха реформаторы обратили свое внимание на другую соседнюю страну — Россию, социальная ситуация которой была похожа на китайскую: огромная многонациональная соседняя держава, которая, несмотря на несколько разрушительных крестьянских войн, абсолютистский монархический полуфеодалный режим, тяжелый груз малоэффективного бюрократического аппарата, сословные предрассудки и отсталость десятков миллионов крестьян, смогла провести в XVIII в. европеизацию и начала успешно усваивать технические новинки Западной Европы, отстояв свою независимость, сохранив самобытную национальную культуру и обеспечив себе достойное место в «мировом концерте держав». Вызывал интерес и общинный уклад, *мирь*, который был давно утрачен на Западе, но сохранялся в России и Китае (идея Герцена об «общинном социализме» и «рабочнических артелях» как особенности русского пути вызывала большой интерес в мире).

Российский исторический пример вызвал большой интерес у патристически мыслящей китайской интеллигенции. Как сказал Лян Ци-чао, один из видных реформаторов и просветителей в Китае, в статье «Идея свободы у русских»: «Китай имеет много общего с Россией, с ее огромной территорией, тяжелой жизнью народа и самодержавием, поэтому Китаю было бы неплохо поучиться у России в поисках выхода».

Он даже заявил: «Я побывал в Америке, но меня привлекла Россия» [梁启超, 1999, с. 370, 1065]. В то время в китайском обществе преобладало мнение: «чтобы обновить народ, необходимо обновить прежде всего новеллу, так как новелла обладает неоценимой способностью воздействовать на душу человека» [梁启超, 1999, с. 884]. Этот тезис лег в основу литературной реформы в Китае, которая началась с перевода на китайский лучших образцов зарубежной литературы второй половины XIX — начала XX в. Особое внимание при этом привлекли современные им русские авторы.

Лян Цичао в связи с этим писал: «Перевод есть начало всех начал. Петр Великий в свое время путешествовал по Западной Европе. Он собирал книги и переводил на русский язык, чтобы с их помощью обучить русский народ. С тех пор Россия стала сильной державой и остается ею по сей день. Так что можно сказать: переводить книги — первый способ для укрепления страны» [Чжэн Тиу, 2015, с. 375]. В предисловии к «Каталогу произведений М. Горького в китайском переводе» А Ин утверждает, что «ввоз русской литературы в Китай, насколько можно судить, начался еще в конце династии Цин, когда больше всего переводилось романов о нигилистах» [阿英, 2003, с. 456].

При этом отметим, что слово «нигилист», введенное в мировой культурный обиход Тургеневым, долгое время за границей России выступало как синоним терминов «народник» или «народоволец»: «“нигилистами” в России называли людей 60-х гг., а в Европе этим именем окрестили революционеров-семидесятников» [Таратута, 1967, с. 55]. О том же писал в свое время и видный народник С.М. Степняк-Кравчинский: «...когда заправский нигилизм совершенно сошел со сцены в России и был почти забыт, эта кличка вдруг воскресла и стала жить за границей, где и засела так прочно, что, по-видимому, ее уже ничем не вытравишь» [Степняк-Кравчинский, 1987, с. 338].

А.И. Герцен в критике Китая в начале XX в.

Наибольший интерес китайцев в первом десятилетии XX в. вызвала деятельность организации «Народная воля». Но зарубежным авторам и читателям трудно было отследить хаос слияний и распадов подпольных групп типа «Земля и воля», «Северная революционно-народническая группа», «Черный передел», «Общество народников», «Южнорусский рабочий союз» и др. Даже громкие публичные судебные процессы над членами террористической фракции партии «Народная воля» (1887) и Карская трагедия (1889) популяризировали слово «narodnik» (как видно на графиках Google Books Ngram Viewer; кит. 民粹派 и 民意党,

míncuìpài и mínyìdǎng), но не внесли в сознание иностранных наблюдателей революционных процессов безусловной ясности в этом вопросе. Зачастую и в Китае отсутствовало четкое понимание различий между анархистами, социалистами, революционными демократами — сторонниками «пропаганды делом», нигилистами и представителями разных течений народничества. Главным для китайцев здесь был дух борьбы с социальным угнетением и абсолютизмом, именно в том смысле, как писал Степняк-Кравчинский: «Настоящий нигилизм, каким его знали в России, был борьбою за освобождение мысли от уз всякого рода традиции, шедшей рука об руку с борьбой за освобождение трудящихся классов от экономического рабства» [Степняк-Кравчинский, 1987, с. 338]. В отличие от большей части европейцев, осуждавших нигилизм, китайцы видели в «нигилистах» героев-бунтарей, борцов за права народа. В конце династии Цин (1902–1911) в китайской литературе появился ряд нигилистических романов, часто с отчетливо героической тематикой.

Роман литератора и революционера Ло Пу «Героиня Восточной Европы», написанный в 1902 г., стал первым нигилистическим романом в Китае. Сюжет «Героини Восточной Европы» основан на событиях из жизни Софьи Перовской, история которой вызывала большое сочувствие в китайском обществе на рубеже веков. Именно в этом романе впервые в китайской литературе упоминается имя Герцена: «В России была создана народная партия, основанная на идеях Герцена, Чернышевского и Бакунина» [岭南羽衣女士, 1991, с. 11]. А.И. Герцен предстает в этом произведении как духовный лидер партии «Народная воля», а его роман «Кто виноват?» и журнал «Колокол» упоминаются как круг ежедневного чтения героини.

С начала 1900-х гг. интерес к его личности и творчеству в Китае заметно растет. В течение значительного периода времени в начале XX в. Герцен рассматривался китайской интеллигенцией как «нигилист». В июне 1903 г. в газете «Континенталь» опубликовали «Биографию трех великих русских нигилистов», Герцен и Н. Г. Чернышевский были поставлены в один ряд с М.А. Бакуниным и рассматривались в качестве духовных лидеров нигилизма в России [大陆报, 1903; 王保贤, 2022]. Утверждалось, что «целью нигилистов было ниспровержение царского самодержавия ценой своей и чужой смерти».

В октябре 1903 г. Лян Цичао, один из лидеров «реформы 100 дней», упомянул роман Герцена «Кто виноват?» и журнал «Колокол» в работе «О русских нигилистах». Лян Цичао разделил нигилистское движение в России на три периода: период литературной революции, период агитации

и период террористических убийств [梁启超, 1999, с. 1242]. С точки зрения Ляна Цичао, А.И. Герцен был представителем периода литературной революции, который, как и другие русские писатели-классики, уже чувствовал важность и необходимость реформ в России и готовил идеологическую почву для будущих социальных изменений. Лян Цичао придавал большое значение той роли, которую сыграла русская литература в развитии российского общества. Однако при этом Лян Цичао воспринимал герценовское творческое наследие несколько односторонне. Китайский политик-идеолог не очень хорошо знал художественные особенности произведений Герцена (но ведь это и не было его целью). Для Лян Цичао определяющим моментом была роль литературы в просвещении народа и образ Герцена как революционного мыслителя.

Герценом интересовался и Ли Дачжао, один из основателей Коммунистической партии Китая. После победы Февральской революции в России 21 марта 1917 г. Ли Дачжао опубликовал статью «俄国革命之远因近因» / «О далеких и близких причинах русской революции», в которой проанализировал двенадцать причин революции в России. Среди причин, определивших победу Февральской революции в России, Ли Дачжао указал на важную пропагандистскую роль русской литературы в подготовке революции. При этом Герцен был назван в числе пионеров русской революционно-демократической литературы. Свои рассуждения Ли Дачжао подкрепил подробным рассказом о биографии и творчестве Герцена.

В этой статье Ли Дачжао писал: «Русская литература — это гуманистическая литература, это литература, полная революционности. В конце 1840-х годов в России появилось много литературных гениев, которые с горечью критиковали политику, законы, моральные обычаи, даже общественный строй того времени, а центральное место в их мышлении занимали вопросы освобождения крепостных крестьян и статуса крестьянства. Одним из самых выдающихся среди них был А.И. Герцен» [李大钊, 2006, с. 4]. Ли Дачжао подчеркивал наиболее яркие элементы социальной мысли Герцена: «защита свободы, прав человека, выступление против самодержавия». Он также отметил идеи Герцена о женской эмансипации и утверждал, что движение за женскую эмансипацию в России началось именно с Герцена.

Когда весть о победе Великой Октябрьской революции достигла Китая, Ли Дачжао был настолько вдохновлен, что опубликовал несколько статей подряд, восторженно отзываясь об Октябрьской революции. При этом он подчеркивал связь между сочувствием к простому народу и вольнолюбивым настроением русской классической лите-

ратуры и Октябрьской революцией. В 1918 г. он написал другую статью — «Русская литература и революция», в которой подробно проанализировал связь между литературой и революцией, утверждая, что требования российского общества к литературе никогда не ограничивались утешительной функцией — скорее, литературу рассматривали как средство решения негативных проблем общественной жизни [李大钊, 2006, с. 233]. И эти характеристики русской литературы — социальный аспект и развитый гуманизм — дали, по его убеждению, мощный импульс русской революции. В статье автор снова упомянул имя Герцена, высоко оценив страстное стремление Герцена и его друга Огарева к свободе и их отвращение к самодержавию. Ли Дачжао считал, что победа народной революции в России была победой русской литературы, в том числе и А.И. Герцена. Автор выразил надежду, что китайская литература сможет перенять данное качество русской литературы, использовать литературу как инструмент идеологической борьбы, провести новую литературную реформу и способствовать общественному и литературному прогрессу.

В 1920 г. в статье «Что такое новая литература?» Ли Дачжао снова вернулся к вопросу о путях развития новой литературы в Китае и важности формирования литературного языка, соответствующего реалиям новой эпохи: «Литература, которая просто написана на языке байхуавэнь (白话文, т.е. простонародный разговорный язык, созданный на основе пекинской устной речи в начале XX в.), не является новой литературой. Литература, которая просто вводит новые теории и новые явления, рассказывает о новых персонажах или перечисляет новые термины, не является новой литературой. Новая литература, которая нам нужна, — это литература, отражающая социальную реальность, а не литература, направленная на повышение личной славы; это литература, основанная на братстве и гуманизме, а не на погоне за широкой известностью. Глубокая мысль, убежденность в правоте идеологии, прекрасная художественность и гуманистический дух — это почва и корни нового движения новой литературы» [李大钊, 2006, с. 129–130]. Ли Дачжао надеялся, что новая китайская литература усвоит традиции русской литературы с ее глубокими мыслями, духом человеколюбия, способностью вдохновлять людей на добро и способствовать социальному прогрессу.

Как буржуазный реформатор Лян Цичао, так и пионер китайского коммунистического движения Ли Дачжао придавали большое значение политической, социальной и образовательной функциям литературы. Их идеи и цели вращались вокруг того, как заставить Китай

преодолеть свою отсталость и решить острые социальные проблемы. Потребность изменения социальной действительности привела их к Герцену, его идеям и влиянию на идейную жизнь России. Эти китайские мыслители в культурном и психологическом планах в чем-то ассоциировали себя с Герценом. Восприятие Герцена китайской интеллигенцией того времени было сосредоточено на выраженных в его произведениях общественно-политических взглядах, которые были созвучны исторической ситуации в Китае и служили средством для распространения прогрессивных политических идей и просвещения народа. При этом художественным сторонам произведений Герцена уделялось мало внимания.

В этом аспекте ситуация начала меняться, когда в мае 1918 г. Тянь Хань опубликовал в журнале «Минь До» развернутую статью «Взгляд на русскую литературную мысль», которая впервые предложила китайским читателям глубокий обзор русской литературы. Следуя наработкам предшественников, Тянь Хань уделил много внимания общественной мысли Герцена и его общественно-политической деятельности. Но вместе с тем он подчеркнул значимость художественного наследия Герцена-писателя, подробно изложил сюжетную линию романа «Кто виноват?», дал к нему краткий комментарий и отметил типичность образа «лишнего человека» (кит. 多余人) [田汉, 1918, с. 105]. По сути, это было первое знакомство китайского читателя с содержанием литературного произведения Герцена и одновременно отправной точкой в истории литературоведческого герценоведения в Китае.

В 1920 г. в издательстве «Новый Китай» вышел «Сборник рассказов известных русских писателей», в который вошел первый китайский перевод художественного произведения Герцена — повести «Сорока-воровка», выполненный Гэном Цзичжи (耿济之). Перевод осуществлялся непосредственно с русского оригинала, что было важным обстоятельством, так как «характерными чертами начального периода восприятия русской литературы в Китае является то, что переводы не всегда производились непосредственно с русского языка, а чаще всего с японского и английского; часть переводов была сделана на древнекитайский язык» [Лю Вэньфэй, 2004].

Гэн Цзичжи отметил, что А.И. Герцен занимает важное место не только в истории русской литературы и общественно-политической мысли, но и в истории государства России, и что Герцен считается одним из ведущих писателей мира. В предисловии сборника критик Чжэн Чжэньдо подчеркнул, что эти избранные произведения, в том числе повесть «Сорока-воровка», воплощают истинную ценность русской ли-

тературы, осознание которой необходимо для развития новой китайской литературы [郑振铎, 1920, с. 6].

Таким образом, именно Тянь Хань и Гэн Цзичжи стали первопроходцами литературоведческого герценоведения в Китае.

Заключение

В начале XX в. политическая, социальная и культурная среда в Китае создавала объективные предпосылки к восприятию русской литературы в целом и творчества Герцена в частности. Но китайские реформаторы Лян Цичао и Ли Дачжао видели в Герцене преимущественно политического мыслителя, идеолога «нигилистов» (как на Западе и Востоке Евразии рубежа XIX–X вв. часто называли разнообразных представителей народнического движения и народовольцев). Взгляды Герцена на исторические закономерности пути человечества к справедливому обществу, его теория «общинного социализма» вызывали интерес у передовой китайской интеллигенции. При этом оценить художественные достоинства произведений Герцена долгие годы читательская публика в Китае не могла.

Такое положение во многом исторически было неизбежным и отвечало как фундаментальным особенностям китайской литературной традиции, так и установкам реформаторов — создателей новой китайской литературы. При этом взгляды на художественную литературу как на инструмент политической пропаганды («All fiction / art is propaganda», «la littérature est un instrument de lutte / des Lumières») или даже «могущественную служанку политики» (А.А. Фадеев) были чрезвычайно популярны в Европе, Азии и Америке конца XIX — первой трети XX в. Но именно благодаря интересу к общественно-политическому идейному наследию Герцена китайские ученые постепенно открыли для себя значение художественного творчества выдающегося русского писателя. Начало литературоведческого герценоведения в Китае дало импульс постепенному переходу исследователей к изучению содержания, художественной формы и других литературных достоинств произведений Герцена.

Библиографический список

Алексеев М.П. Пушкин и Китай // Пушкин в странах зарубежного Востока : сб. статей. М., 1979.

Ван Линлун. Преподавание русского языка в Китае: историко-методологический опыт становления // Педагогический журнал. 2018. Т. 8. № 5А.

Дацышен В.Г. Формирование китайской общины в Российской империи (вторая половина XIX века) // Диаспоры. 2001. URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/russ-ost/diaspr/5.html

Демидова Н.Ф., Мясников В.С. Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы. Т. I. 1608–1683. М., 1969.

Кабанов П.И. Амурский вопрос. Благовещенск, 1959.

Конфуций. Лунь Юй. М., 1998.

Лю Вэньфэй. Перевод и изучение русской литературы в Китае // Новое литературное обозрение. 2004. № 5. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/69/lu34.html>

Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Распределение населения по родному языку и уездам Российской Империи, кроме губерний Европейской России // Демоскоп Weekly — Приложение. Справочник статистических показателей. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/emp_lan_97_uezd.php?reg=664

Самойлов Н.А. Вклад Петра Великого в социокультурное взаимодействие России со странами Восточной Азии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43. № 6.

Степняк-Кравчинский С.М. Сочинения. В 2-х т. Т. 1. Россия под властью царей. Подпольная Россия / вступ. статья и подгот. текста Е. Таратута; коммент. Н. Пирумовой, М. Перпер. М., 1987.

Таратута Е.А. Подпольная Россия: Судьба книги С.М. Степняка-Кравчинского. М., 1967.

Тихвинский С.Л. Русско-китайские отношения в XVIII веке. Документы и материалы. Т. 3. Русско-китайские отношения. 1727–1729. М., 2006.

Чжэн Тиу. Влияние русской словесности на литературный процесс в Китае (1898–1949) // Русская литература в зеркалах мировой культуры: рецепция, переводы, интерпретации. М., 2015.

阿英. 阿英全集卷五. 合肥. 安徽教育出版社, 2003.

陈建华. 二十世纪中俄文学关系. 上海: 上海学林出版社, 1998.

俄罗斯虚无党三杰传//大陆报. 1903. № 7.

耿济之, 郑振铎. 俄罗斯名家短篇小说集. 北京: 新中国出版社. 1920.

李大钊. 李大钊全集第二卷, 第三卷, 北京: 人民出版社, 2006.

李学勤编. 毛诗正义. 北京: 北京大学出版社, 1999.

梁启超. 梁启超全集. 北京: 北京出版社, 1999.

岭南羽衣女士. 东欧女豪杰. 南昌: 百花洲文艺出版社, 1991.

平保兴. 五四时期俄罗斯文学在中国的传播研究: 硕士论文. 南京, 2004.

田汉. 俄罗斯文学思潮之一瞥/民铎杂志. 1918, 第一卷. № 6.

王保贤. “赫尔岑”是怎样到中国的? // 中华读书报. 07.03.2022. URL: www.chinawriter.com.cn/n1/2022/0307/c404063-32367926.html

张建华. 东正教与早期中俄文化交流/杭州师范学院学报. 2007. № 2.

References

Alekseyev M.P. *Pushkin i Kitayю* [Pushkin and China]. In: *Pushkin v stranakh zarubezhnogo Vostoka*. [Pushkin in the countries of the foreign East. Coll. of articles]. Moscow, 1979.

Wang Linglong. *Prepodavanie russkogo yazyka v Kitae: istoriko-metodologicheskii opyt stanovleniya*. [Teaching Russian language in China: historical and methodological experience of formation]. In: *Pedagogicheskii zhurnal*. [Pedagogical Journal]. 2018. No. 8 (5A).

Datsyshen V.G. *Formirovaniye kitayskoy obshchiny v Rossiyskoy imperii (vtoraya polovina XIX veka)*. [Formation of the Chinese community in the Russian Empire (the second half of the 19th Century)]. In: *Diaspory*. [Diasporas]. 2001. No. 2-3.

Demidova N.F., Myasnikov V.S. *Russko-kitayskie otnosheniya v XVII veke. Materialy i dokumenty*. [Russian-Chinese relations in the 17th Century. Materials and documents]. Vol. I. 1608-1683. Moscow, 1969.

Kabanov P.I. *Amurskiy vopros*. [Amur question]. Blagoveshchensk, 1959.

Konfutsiy. *Lun' Yuy*. [Lunyu]. Moscow, 1998.

Liu Wenfei. *Perevod i izucheniye russkoy literatury v Kitaye*. [Translation and studies of Russian literature in China]. In: *Novoye literaturnoye obozreniye*. [New Literary Review]. 2004. No. 69.

Pervaya vseobshchaya perepis naseleniya Rossiyskoy Imperii 1897 g. Raspredeleniye naseleniya po rodnomu yazyku i uyezdam Rossiyskoy Imperii. krome guberniy Evropeyskoy Rossii. [The first General Population Census of the Russian Empire in 1897. Distribution of the population by native language and uezds of the Russian Empire, except for the provinces of European Russia]. In: *Demoskop Weekly. Prilozheniye. Spravochnik statisticheskikh pokazateley*. [Demoscope Weekly. Application. Handbook of Statistical Indicators]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/emp_lan_97_uezd.php?reg=664.

Samoylov N.A. *Vklad Petra Velikogo v sotsiokulturnoye vzaimodeystviye Rossii so stranami Vostochnoy Azii*. [Peter the Great's contribution to the socio-cultural interaction between Russia and East Asian countries]. In: *Uchonyye zapiski Petrozavodskogo gos. Universiteta*. [Proceedings of Petrozavodsk State University]. 2021. Vol. 43(6).

Stepnyak-Kravchinskiy S.M. *Sochineniya. Rossiya pod vlast'yu tsarey. Podpol'naya Rossiya*. [Works. Russia under the rule of the tsars. Underground Russia]. Vol. 1. Moscow, 1987.

Taratuta E.A. *Podpolnaya Rossiya: Sudba knigi S.M. Stepnyaka-Kravchinskogo*. [Underground Russia: The fate of the book by S.M. Stepnyak-Kravchinsky]. Moscow, 1967.

Tikhvinskiy S.L. *Russko-kitayskie otnosheniya v XVIII veke. Dokumenty i materialy: russko-kitayskie otnosheniya. 1727–1729*. [Russian-Chinese Relations in the 18th Century. Documents and materials. Russian-Chinese relations. 1727–1729]. Vol. 3. Moscow, 2006.

Zheng Tiwu. *Vliyanie russkoy slovesnosti na literaturnyy protsess v Kitae (1898–1949)*. [The influence of Russian literature on the literary process in China (1898–1949)]. In: *Russkaya literatura v zerkalakh mirovoy kul'tury: retseptsiya, perevody, interpretatsii*. [Russian literature in the mirrors of world culture: reception, translations, interpretations]. Moscow, 2015.

A Ying. *The Complete Works of Ah Ying*. Vol. V. Hefei, 2003. In Chinese.

Chen Jianhua. *China-Russian literary ties in the 20th Century*. Shanghai, 1998. In Chinese.

Biography of three Great Russian Nihilists. In: Dalubao. 1903. No. 7. In Chinese.

Geng Jizhi, Zheng Zhenduo. *A Collection of Short Stories by Famous Russian Writers*. Beijing, 1920. In Chinese.

Li Dazhao. *The Complete Works of Li Dazhao*. Vols II and III. Beijing, 2006. In Chinese.

Li Xueqin. *Commentary on the Shi Jing in Mao's version*. Beijing, 1999. In Chinese.

Liang Qichao. *The Complete Works of Liang Qichao*. Beijing, 1999. In Chinese.

Lingnanyuyinvshi. *Heroines of Eastern Europe*. Nanchang, 1991. In Chinese.

Ping Baoxing. *A Study of the Distribution of Russian Literature in China during the Fourth of May*. Nanjing, 2004. In Chinese.

Tian Han. *A look at Russian literary thought*. In: Magazine Minduo. 1918. Vol. 1. No. 6. In Chinese.

Wang Baoxian. *How did "Herzen" get to China?* In: China Reading Daily. March 7, 2022. URL: www.chinawriter.com.cn/n1/2022/0307/c404063-32367926.html. In Chinese.

Zhang Jianhua. *Orthodoxy and early China-Russian cultural exchange*. In: Journal of the Hangzhou Pedagogical Institute. 2007. No. 2. In Chinese.